

тивных писем студентов, писем Ф. Ушакова, протоколов допросов студентов, доношений их воспитателя Бокума, сообщений русского посла в Дрездене князя Белосельского и др. Эти материалы позволяют всесторонне восстановить всю картину студенческого бунта, проследить его причины, ход, определить значение, которое он имел в их жизни. Правда, иногда, увлекшись публикацией, автор впадает в крайность, так как далеко не все документы являются одинаково ценными⁷ и, следовательно, не все из них, может быть, нужно было опубликовывать, тем более, что, во-первых, часть из них уже была напечатана,⁸ а во-вторых, все новые материалы вышли почти одновременно с книгой в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина с вводной статьей и примечаниями того же А. И. Старцева.⁹

К сожалению, исследователь, публикуя материалы, в сущности отказывается от их комментирования, так как те краткие пояснения, которыми они сопровождаются, не совсем отвечают требованиям, предъявляемым к научному комментарию. В непосредственной связи с этим находится и основной недостаток книги. Автор ставит перед собой задачу «правильно и полностью понять формирование молодого Радищева», для этого, как он верно говорит, «должны быть тщательно изучены все существенные обстоятельства жизни студентов в Лейпциге» (стр. 9). Однако имея в своих руках документы, позволяющие по-новому взглянуть на все события этого периода в жизни Радищева и его товарищей, сделать новые выводы и разрешить поставленную себе задачу полностью, А. И. Старцев этого не делает, а ограничивается либо повторением традиционных и не всегда верных точек зрения, либо выдвигает утверждения, истинность которых весьма сомнительна.

Так, он сосредоточивает свое внимание лишь на теневых сторонах университетского преподавания в Лейпциге, почему-то совершенно не желая замечать то положительное, что дали занятия в университете молодому Радищеву.

Вот что мы читаем буквально на первых страницах книги А. И. Старцева: «Значение для Радищева его занятий в Лейпцигском университете преувеличено его дореволюционными биографами... Это совершенно неправильно. В стенах Лейпцигского университета русские студенты познакомились не с „тогдашним состоянием науки“, а с состоянием немецкой университетской

⁷ Например, донесения барона Гогенталя и др.

⁸ «Сборник Русского исторического общества», т. X, 1872 (письма Екатерины II, донесение Нетмана и др.).

⁹ «Записки Отдела рукописей», вып. 18, ЛБ, М., 1956, стр. 230—327.